

Страницы из неканонической истории русской литературы XVIII века: эволюция литературного образа старообрядца

Как отметил В. П. Степанов, «упоминания о старообрядцах в собственно художественной литературе XVIII века были крайне немногочисленны и также имели преимущественно сатирическую направленность»¹. Образ старообрядца встречался в произведениях различных жанров, в частности, в интермедиях, обычно наряду с представителями национальных меньшинств и иностранцами (цыгане, немцы, литовцы, греки)². Литературный образ старовера в этих текстах представляет собой стереотип, главные черты которого — суеверие и невежество. Быт староверов в них почти не затрагивается. Эти произведения представляют собой сатиру, нацеленную на все виды религиозных предрассудков, а не только на старообрядчество³. Мне хотелось бы проанализировать, как именно на фоне этого контекста, начиная с середины XVIII века, литературная фигура старовера, по-прежнему представляющая в «отрицательном» ключе, постепенно меняется, отходя от стереотипного представления. Старовер становится героем своего рода

¹ Степанов В.П. «К агиографии Чупятова (Неизвестная повесть о раскаявшемся старообрядце)» // Древнерусская книжность. По материалам пушкинского дома. Л. 1985. С. 108.

² Примером могут служить интерлюдии, включенные в книгу «Русская ранняя драматургия (XVII—первая половина XVIII в.). Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в.» (М. 1975), в том числе цикл из семи интермедий («Интерлюдии, или междуврошенная забавная игралица»), опубликованных А. С. Елеонской (там же. С. 463—562).

³ Один из самых ярких примеров — «Гимн бороде» Ломоносова. Интересно отметить, что цикл о бороде Ломоносова включался иногда в списки *барковичаны*, в которые, как мы увидим дальше, входят и стихотворения о старовере Иване Даниловиче.

побочной тематической линии с рядом повторяющихся персонажей. Эта тематическая линия представляет собой своего рода «съёмку» исторического контекста «в прямом эфире» и, таким образом, является бесценным кладом наблюдений и сведений о быте староверов.

Речь идет о трех видах текстов: цикле стихотворений о старовере Иване Даниловиче (так называемый «Цикл Ивана Даниловича»), известном памфлете «Жизнь некоторого мужа и перевоз куриозной его души чрез Стикс-реку» и о повести «Анисимыч. Нового рода Дон-Кишот». Эти три текста появляются в разное время, причём каждый в собственном литературном контексте: цикл Ивана Даниловича — в рукописях *барковичаны*, начиная с 1750-х годов; памфлет относят к середине 1760-х годов, в жанровом отношении он тесно связан с дидактической литературой и с диалогами в Царстве мертвых; а так называемый «Анисимыч» датируется 1793 годом и относится к плутовскому жанру. В этой статье я попытаюсь дать предварительный обзор общих тем, связывающих эти тексты, и проследить изменения в литературном образе старообрядца в связи с текущими историческими событиями.

1. Цикл Ивана Даниловича⁴

Цикл представляет собой сборник текстов⁵, приписываемых А. В. Олсуфьеву⁶. Тексты дошли до нас в рукописях *барковьяны*⁷ и до сих пор опубликованы лишь частично⁸.

Главный герой цикла — раскольник по имени Иван Данилович Осипов. Это довольно своеобразный старовер. Он любитель спиртного, игрок и распутник, да и во всём осталь-

⁴ Хочу выразить благодарность С. Панову за его бесценную помощь в моей работе.

⁵ Перечень сочинений Олсуфьева содержится в рукописи Титова (Российская Национальная Библиотека, Q XIV 14): «1. Портрет Ивана Даниловича; 2. На день рождения дочери Ивана Даниловича; 3. Символ веры И. Даниловича; 4. Элегия на намерение И. Даниловича ехать в деревню. 5. Письмо И. Даниловича. 6. Письмо к Данилычу. 7. Письмо к Данилычу. 8. Приписка И. Д. к А...В...Е... 9. Перевод с французского. 10. К некоторой Княгине. 11. К. А.В. Салтыкову, на рифму: полковник. 12. К нему же на рифму: бригадир. 13. Эпиграмма. 14. Эпиграмма на кн. А. А. Вяземского. 15. Исповедь Алсуфьева. 16. Эпиграмма. 17. На шум в правительственном Сенате. 18. Речь к откупщикам на прав. Сенате. 19. На Князя Н. М. Голицына». См.: С. Гардзонио, «“Цикл об Иване Даниловиче” в исследовании М. М. Никитина (Замечания к предварительной публикации сочинений А.В. Олсуфьева)» // Study Group on Eighteenth Century Russia. Newsletter. 1992. 20. С. 46—47.

⁶ Адам Васильевич Олсуфьев (1721—1784) — выдающийся политический и культурный деятель и яркая личность, человек блестящих дарований и разностороннего ума, отличался способностями к иностранным языкам, играл на скрипке, перевел с итальянского ряд опер, коллекционер народных картинок. Джакомо Казанова, с которым они познакомились во время его путешествия в Россию, вспоминает Адама Васильевича с восторгом в «Histoire de ma vie»: «Demetrio Papanelopulo me fit connaître le ministre de Cabinet Alsuwiow, gros et gras, plein d’esprit, et le seul lettré que j’ai connu en Russie, car il n’était pas devenu docte en lisant Voltaire, mais étant allé étudier dans sa jeunesse à Upsal. Cet homme rare, qui aimait les femmes, le vin et la chère exquisite, m’invita à dîner chez Locatelli à Caterinow, maison impériale que l’impératrice avait donnée pour toute sa vie à ce vieux entrepreneur de théâtres», J. Casanova de Seingalt Vénitien. Histoire de ma vie. Tome cinq. Wiesbaden; Paris 1961. Vol. 10. С. 645—646. О нем см.: Олсуфьев Д. «Краткая биография статс-секретаря Екатерины II А.В. Олсуфьева (Извлечение из письма к А. Спаде)» // Русский Архив. 1870. 7. С. 1342—1348; Сухомлинов М. И. «А. В. Олсуфьевъ» // История Российской Академии. Вып. 7. СПб 1885. С. 99—100; Алексеевский В. «Олсуфьев, граф, Адам Васильевич» // Русский биографический словарь. «Обезьянинов — Очкин». СПб. 1905. С. 232—235; Степанов В.П. «Олсуфьев, Адам Васильевич» // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб. 1999. С. 383—387; Сульпассо Б. «Письма А. В. Олсуфьева к

ном его трудно назвать образчиком воздержания и смирения («пьяница, проказник, враль, купец, / Картежник и рифмач, безграмотный хитрец», «трус, лжец, блядун, наездник, / Чужих детей отец, глубокой богослов, / Раскащик, суевер, квасник и философ...»⁹).

Ядром цикла можно считать стихотворение «Символ веры Ивана Даниловича», в котором Иван Данилович даёт указания, как попасть в рай. В этом тексте «новый мир» и «старый мир» прямо противоположны друг другу. Иван Данилович выступает против новых религиозных привычек, пищи¹⁰, одежды и внешнего вида¹¹, языка¹², а также курения¹³.

Я. Я. Штелину из Копенгагена» // XVIII век. 2011. Вып. 26. С. 353—367.

⁷ Первое и самое полное описание рукописей *барковианы* составили А. Зорин и Н. Сапов («Обзор рукописных сборников барковианы» в книге «Девичья игрушка, или Сочинения Господина Баркова». М. 1992. С. 369—382); вопросы текстовой традиции барковианы освещены А. Плутсером-Сарно («Русская порнографическая литература XVIII—XIX вв. (Размышления над книгами серии «Русская потаенная литература»)» // Новое литературное обозрение. 2001. 48. С. 358—386), который также описал ряд рукописей из барковианы на своём сайте (<http://plutser.ru/ukazateli>). Общее описание основных списков было также включено В. Сажиним в издание Барков И. С. Полное собрание стихотворений. СПб 2004. С. 547—542. Эти работы, однако, не всегда дают специфические сведения о содержащихся в рукописях текстах Адама Олсуфьева. Кроме того, с тех пор значительно изменился состав *барковианы* с открытием четырех новых рукописей в коллекции Скородумова в Библиотеке им. Ленина. Выражаю благодарность Л. Бессмертных за указание на архивную коллекцию Скородумова. По поводу термина «барковиана», «барковщина», и его употребления, см.: А. Плутсер-Сарно, «Русская порнографическая литература XVIII—XIX вв. (Размышления над книгами серии «Русская потаенная литература»)». С. 358—359.

⁸ До сих пор Циклу было посвящено мало исследований; помимо кратких сведений в изданиях барковианы, следует иметь в виду следующие работы: Гардзонио С. «Цикл об Иване Даниловиче в исследовании М. М. Никитина (Замечания к предварительной публикации сочинений А.В. Олсуфьева)» // Study Group on Eighteenth Century Russia. Newsletter. 1992. 20. С. 44—60; De Michelis C. G. «La satira ai Vecchio-credenti nel ciclo di Olsuf'ev» // Le minoranze come oggetto di satira. A cura di A. Pavan e G. Giraud. Padova 2001. С. 94—105. Sulpasso V. «The Satire of the Old Believers in the Cycle of Ivan Danilovich. From Chronicle to Text». Stanford 2012. С. 25—46.

⁹ Текст цитируется по изданию С. Гардзонио, «Портрет Ивана Данилыча» // С. Гардзонио. 'Цикл об Иване Даниловиче' в исследовании М. М. Никитина (Замечания к предварительной публикации сочинений А. В. Олсуфьева). С. 50.

За «Символом веры» следуют различные приключения старовера, описанные в других стихотворениях, в которых встречается ряд постоянных персонажей, например, толпа «подвыпивших», возглавляемая Амнером и Сорокиным. Среди главных героев цикла — дочь Ивана Даниловича, Татьяна. Ей посвящена Ода («На день рождения Татьяны Ивановны»). В духе тогдашних од на дни рождения известных людей текст торжественно прославляет рождение дочери Ивана Даниловича. Татьяне, «возлюбленной дщери», суждены великие дела, она должна повторить подвиги «отцов» (в данном случае «матери»). Из дальнейшего текста мы узнаём, что подвиг Татьяны состоит в том, чтобы стать проституткой¹⁴. Она родилась и живет в деревне, но очевидно, что деревня не годится для такой карьеры. Единственное подходящее для данного рода занятий место — прокуренный петербургский каба́к. Санкт-Петербург в «Цикле Ивана Даниловича» не «абстрактный антигород», а вполне географически определённый «Питер»: упоминается Лиговский канал¹⁵, рядом с которым расположе-

¹⁰ Например: «Спасенья тот не чай / Кто пьёт без водки чай, / Тогож кто кофей пьёт / Гром до смерти убьёт.», (Символ веры Ивана Данилыча. стр. 1—4 // С. Гардзонио. 'Цикл об Иване Даниловиче' в исследовании М. М. Никитина (Замечания к предварительной публикации сочинений А. В. Олсуфьева). С. 50.

¹¹ Например: «Иль ходит в башмаках, / В штанах, а не в портках. / Кто пудрит волосы, иль носит парики, / Осыпавшись мукой, как будто старики», Символ веры Ивана Данилыча. стр. 15—16. Там же. С. 51.

¹² Например «Иль ересь полюбя, французским языком, / Смердящи яко пес, боярина мусьём, / Гудок зовет капель, / Боярышню — мамзель, / Боярыню — мадам, / Красавицу — шарман, / Дворянчика кадетом, / Служителя валетом?», Символ веры Ванюшки Данилыча // Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова. стр. 133—140. С. 256.

¹³ «Кто за щеку кладёт и нохает табак, / И кто его курит, не ходит на каба́к». Символ веры Ивана Данилыча, Стр. 19—20. // С. Гардзонио. 'Цикл об Иване Даниловиче' в исследовании М. М. Никитина (Замечания к предварительной публикации сочинений А. В. Олсуфьева). С. 50.

¹⁴ «На то вить ты родилась /, пиздой чтоб промышлять», «На день рождения Та<тьяны> Ива<новны>» // Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова. С. 87.

¹⁵ «Беги скорей умыться, / С похмелья ободриться, / На Лиговской спеша каба́к», «На день рождения Та <тьяны> Ива<новны>», стр. 12—14. Там же. С. 86.

ны дома ямщиков, кабаки и всякие притоны, кишашие жуликами.

Тексты Ивана Даниловича входят, как мы уже сказали, в *барковиану*. Тем не менее, в нескольких аспектах цикл отличается от обычной *барковианы*. Одной из характеристик *барковианы* является жёсткая метрическая структура, пародирующая русский классицизм. «Гибридная» природа цикла Ивана Даниловича иногда проявляется в смешении поэтических размеров (например, в «Символе веры Ивана Даниловича» ямб смешивается с раешными стихами¹⁶). *Барковиана* состоит из разделов (портреты, оды, элегии), соответствующих жанрам классицизма. В цикле Ивана Даниловича распределение по разделам не всегда так однозначно. «Символ веры Ивана Даниловича», например, не может быть отнесён ни к одному из этих жанров, переписчики как правило не знали, куда его вставить в рукописях *барковианы*¹⁷.

Другая значимая характеристика, отличающая цикл Ивана Даниловича от *барковианы*, — это, как отмечает А. Зорин, «злободневность» стихотворений, то есть богатство реальных отсылок, как топографических, так и ономастических¹⁸. Например, перед читателем мелькают лица питерского полусвета, в том числе конкретные люди, личные знакомые Олсу-

¹⁶ См. об этом: С. Гардзонно. «„Цикл об Иване Даниловиче“ в исследовании М. М. Никитина». С. 44—50.

¹⁷ Причем даже составители изданий помещают его в разные разделы, В. Сажин — после раздела «Надписи», А. Зорин и Н. Сапов — в раздел «Разные пьесы», содержащий тексты, систематически встречающиеся в *барковиане*, «но не имеющие четкого жанрового приурочения», А. Зорин, Н. Сапов, «Примечания». *Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова*. С. 386.

¹⁸ «Особняком стоит в „Девичьей игрушке“ цикл, связанный с именем некоего Ивана Даниловича Осипова: послания к нему А. В. Олсуфьева и ответы на них, ода на день рождения дочери Ивана Даниловича, поэма „Оскверненный Ванюшка Яблочник (Яблочкин)“ и др. В этих произведениях отражены нравы и фольклор полубогемной петербургской компании того времени, имевшей как аристократический, так и плебейский состав. При всем площадно-кабацком характере своего остроумия тексты, группирующиеся вокруг фигуры Ивана Даниловича, существенно уступают основному массиву *барковианы* по части грубости и откровенности», А. Зорин, «История культурного мифа» // *Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова*, под ред. А. Зорина и Н. Сапова, М. 1992. С. 7.

фьева, а также, под псевдонимом «Мария Частуха», его жена Мария Васильевна Салтыкова, упоминаются имена реальных старообрядцев (например, Никита Распопа, очевидный намек на Никиту К. Добрынина).

Что касается религиозной темы, то *барковиана*, как правило, к ней равнодушна. Священники и монахи лишь изредка появляются в «Девичьей игрушке», причём в этих местах текст особенно груб и непристойен, так как тематические и стилистические топосы отражают нецензурный, народный фольклор (измена попады, искушение монаха и т. д.¹⁹). Религия в *барковиане* кажется не более, чем «литературной игрой», без конкретных отсылок к действительности (об отсутствии антирелигиозного мотива как характеристике *барковианы* в отличие, например, от французской литературы см. М. Шруба²⁰).

Цикл Ивана Даниловича, по нашему мнению, представляет собой нечто другое. Его нельзя считать лишь литературным богохульством. Прежде всего, этот цикл, кроме общих слов о соблюдении религиозных запретов (например, пищевых: «Кто мясо ест в посты и в среду и в пяток»), содержит отсылки к новым, кощунственным религиозным обрядам, например:

¹⁹ Например, в тексте «Монаху, или видение исповеди» подробно описано соитие монаха с женщиной. Половой акт кончается отсылкой к популярному клише (ср. конец поэмы «Лука Мудищев»), а именно смертью женщины, которая, прокричав «Святой, святой отец!» умирает, «открыта жопой и пиздой, / в крови, в сраму, все обагрено» (*Монаху, или видение исповеди*, стр. 48—56 // *Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова*. С. 108). Монахи и монахини выступают также главными героями двух коротких басен, *Монахи* и *Монахини*. Первая басня описывает жизнь, далекую от целомудрия (ср. начало *Монахов*: «Из одних в монастыре два монаха жили, / В нужном случае зимой друг другу служили», стр. 1—2 // *Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова*. С. 149). Во второй басне возникает спор между тремя сестрами о природе мужского члена (тема половых органов и их характер очень частотна и напоминает такие произведения, как «Сражение между хуем и пиздой о первенстве»).

²⁰ «В самом деле, антирелигиозные и антиклерикальные мотивы в сборнике Д. И. почти отсутствуют. Христианская тематика никакой роли не играет (в отличие, скажем, от *Гаврилиады* А. С. Пушкина 1821 г.), М. Шруба. «К специфике барковианы на фоне французской порнографии» // *Eros and Pornography in Russian Culture*, ed. by M. Levitt, A. Toporkov, M. 1999. С. 212.

Крестить детей кто не по солнцу²¹
Осьмиугольной крест и скит кто презирает²²

Изречения Ивана Даниловича часто пародируют различные выражения, бывшие в ходу у староверов, или строятся по их образцу (некоторые из них можно найти в «Поговорках и пословицах» В. Даля, в разделе «Изуверство и раскол»):

тогож кто кофей пьет
гром до смерти убьет²³

Ср. у Даля: «Кто кофе пьет, того бог (или: гром) убьет».

Детали ещё более конкретизируются, когда речь заходит, с одной стороны, об трудных буднях староверов, а с другой — о судебных делах и налогах, которыми они обременены:

Смотреть, как вас секут, на правез как таскают,
По бедрам палкой бьют, за подать в цепь сажают,
С рыданьем будешь там ты горьку чашу пить,
Оброк свой барину по трижды в год платить²⁴

въ полиції судьи что деньги съ насъ берутъ
по улицамъ бурлить валяться не даютъ²⁵

Помимо конкретных текстуальных отсылок, текст соотносится с действительностью благодаря политической фигуре самого автора, Адама Васильевича Олсуфьева. Не следует забывать, что А. В. Олсуфьев в разное время отвечал за религи-

²¹ «Символ веры Ивана Данилыча», стр. 13, текст цитируется по изданию С. Гардзонио, С. Гардзонио, «Цикл об Иване Даниловиче в исследовании М. М. Никитина (Замечания к предварительной публикации сочинений А. В. Олсуфьева)», С. 51.

²² «Символ веры Ивана Данилыча», стр. 28. Там же. С. 51.

²³ «Символ веры Ивана Данилыча», стр. 11—12. Там же. С. 51.

²⁴ «Элегия на намерение Ивана Даниловича ехать в деревню», текст цитируется по изданию С. Гардзонио, С. Гардзонио. «„Цикл об Иване Даниловиче“ в исследовании М. М. Никитина». С. 56.

²⁵ «Оскверненный Ванюшка Яблошник». Песнь вторая. стр. 22—23, текст цитируется по рукописи Барков. Стихи. РГБ, ОР, ф. 218, н. 502, л. 123.

озные вопросы²⁶ и его семья имела дело со старообрядческой общиной²⁷.

Все эти элементы могут указывать на то, что «Цикл Ивана Даниловича» зародился лишь частично в том же контексте, что и *барковиана*. У *барковианы* он заимствует формальный облик, поэтому его включают в рукописи *барковианы*, однако источник его возникновения иной, а именно — сложная политическая ситуация того времени. Пытаясь установить исторический фон, надо иметь в виду, что Адам Васильевич вернулся домой после долгого пребывания за границей во второй половине 1740-х годов, а порнографические рукописи «Русского Скаррона» начали ходить только в 1753 году²⁸.

Одним из самых значительных для истории старообрядчества событий тех лет был конфликт, связанный с городом Веткой²⁹. В 1740-х годах в результате прямого контакта с ветковцами развились два особенно мощных старообрядческих центра в Калуге и Ржеве. Ржев принял ветковцев после изгнания 1735 года. Синод обвинил Ржев в укрывании староверов, бежавших из Ветки, и в излишней терпимости к ним. Проблемы с ветковцами подробно описаны в переписке между Сенатом и Синодом с 1744 по 1764 год³⁰. Эти события, конечно, имели резонанс в столице и, возможно, способствовали заро-

²⁶ См.: Степанов В. П. «Олсуфьев, Адам Васильевич». С. 383—387.

²⁷ Интересно отметить, что Иван Филиппов в «*Истории выговской пустыни*» вспоминает, как они обратились к самому отцу Адама Олсуфьева, Василию Дмитриевичу, с просьбой выступить посредником в переговорах с Петром, когда ситуация с выговской общиной особенно накалилась, Филиппов И. История выговской старообрядческой пустыни. издана по рукописи Ивана Филиппова. С соблюдением его правописания, одиннадцатью портретами знаменитых старообрядцев и двумя видами Выгов. муж. и жен. общежительных монастырей. СПб. 1862. С. 178—179. Об истории выговской пустыни, см.: Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. В 2 т. М. 2002.

²⁸ См.: Сапов Н. «Иван Барков: биографический очерк» // Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова. С. 34.

²⁹ Об этом см.: Лилеев М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье в XVII—XVIII вв. Киев 1895; Соловьев. С. М. История России с древнейших времен. СПб. 1896.

³⁰ См. об этом: Сапов Н. «Иван Барков: биографический очерк». // Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова. С. 34.

ждению нового литературного представления о старовере, которое оформилось в тонкую, но устойчивую тематическую линию. Такое предположение поддерживается тем, что персонажи «Цикла Ивана Даниловича» (в том же историческом контексте) вскоре появляются вновь в другом тексте — в уже упомянутой повести «Анисимыч». Связующим звеном между «Циклом Ивана Даниловича» и повестью «Анисимыч» является, как кажется, известный памфлет «Жизнь некоторого мужа и перевоз куриозной его души чрез реку Стикс».

2. От памфлета «Жизнь некоторого мужа и перевоз куриозной его души чрез реку Стикс» до приключенческой повести «Анисимыча, нового рода дон-Кишота»

В середине 1760-х годов³¹ появился памфлет «Жизнь некоторого мужа и перевоз куриозной его души чрез реку Стикс», имевший оглушительный успех. Он был, в отличие от «Цикла Ивана Даниловича»³², вскоре опубликован³³ и изучен³⁴. Этот

³¹ С точки зрения текстовой традиции, «Цикл Ивана Даниловича» и «Жизнь некоторого мужа и перевоз куриозной души его чрез Стикс-реку» представлены вместе только в одной из старейших рукописей (Кодекс, хранящийся в личной коллекции Б. А. Успенского). В прочих случаях памфлет дошёл до нас в коллекциях сатирических произведений и не входит в *барковианы*.

³² «Цикл Ивана Даниловича» был опубликован только частично.

³³ Первые публикации: 1) Жизнь некоторого мужа и перевоз куриозной души его чрез Стикс реку. СПб. 1780, Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века (далее СКРК). 1725—1800. М. 1962—1967, н. 3037; 2) то же. Новое издание. СПб. 1788, СКРК, н. 3038; 3) Житие господина Н. Н., служащее введением в историю его в царстве мертвых. СПб. 1781.

³⁴ О памфлете много написано, см. в т.ч. Шкловский В. «О книге одного сенатского протоколиста, о котором почти ничего неизвестно, но который был, вероятно, человеком чулковского типа» // Чулков и Левшин. Л. 1933; Светлов Л. «Чулков — автор памфлета Жизнь некоторого мужа» // Русская литература. 1963. 2. С. 188—197; он же. «Русский антиклерикальный памфлет XVIII века» // Вопросы религии и атеизма. 1963. 11. С. 373—394; Marcialis N. Caronte e Caterina. Dialoghi dei morti nella letteratura russa del XVIII secolo. Roma 1989. С. 127—140. Не надо забывать, что отрывки и цитаты

текст в меньшей степени нуждается в представлении, он довольно хорошо известен и неоднократно разбирался, хотя и вне связи с «Циклом Ивана Даниловича». Текст состоит из двух разделов: первый — это биография старовера, изложенная в сатирическом тоне, вторая часть — беседа, происходящая в Царстве мёртвых. Главные герои — старовер, лодочник Харон и царь Минос. Язык старовера, в котором перемежаются галлицизмы и архаизмы, напоминает известную «языковую маску» того времени, с ее характерным «Прошу не прогневаться», своего рода популярную карикатуру.³⁵

Первая часть памфлета, как нам кажется, пересекается с «Циклом Ивана Даниловича» в целом ряде моментов. Прежде всего, внешность раскольника в «Жизни» также, как и в «Иване Даниловиче», описана в ярких деталях, которые должны доказывать мудрость и богобоязненность героя:

... оный был весьма миловиден, и похвальная привычка улыбаться при всяком слове, делала его тем приятнейшим; усы его были весьма умильные, а именно, смесь из гусарских и кальмыцких, чрез что доказывалась храбрость его в духовных прениях. На правой стороне двенадцать отборных волос лежали весьма нежно, волос к волосу. На левой стороне двадцать четыре, в знак премудрости; и так все было на нем в пропорции. Кафтан носил всегда коричневого цвету, в знак смиренномудрия, о котором заподлинно уверял он, что сделан был из того сукна, которое коню князя Рюрика в походе его против неверных агарян [попоною] служило, и отчасти для древности, а отчасти для толь важных заслуг почитал его защитою от всех соблазнов и демонского наваждения. Рубахи носил он красные и зеленые, в ворота — большую медную запонку, которая была весьма искусно часть ногтя с указательного перста протопопа Аввакума³⁶.

из «Памфлета», были помещены в «Пересмешник, или Словенские сказки» М. Д. Чулкова и в журнал «Парнасский Шепетильник», что привело к увеличению его успеха и популярности.

³⁵ Marcialis N. Caronte e Caterina. Dialoghi dei morti nella letteratura russa del XVIII secolo. С. 134.

Некоторые особенности сразу отличают этот персонаж от Ивана Даниловича. В отличие от него главный герой «Жизни некоторого мужа» бывал за границей и объездил все города Российской империи. Перед читателем возникает портрет купца-старообрядца. Он побывал везде, но ни разу не ступал в церковь (безопасное расстояние от храма — не менее двадцати шагов — «Жизнь», С. 384).

Как и в случае Ивана Даниловича, рассказчик смакует его «дар красноречия»:

«Он был весьма красноречив, произношение речей имел важное и утвердительное, а к каждому слову последовала небольшая усмешка, наполненная духа премудрости. Одним словом, он так красноречив был, что во всю свою похвальную жизнь ни одного человека не нашел, который бы мог столько слушать, сколько он мог говорить»³⁷.

Так же, как Иван Данилович разглагольствует в кабаках перед своими собутыльниками, раскольник в «Жизни» никогда не упускает случая изречь какую-нибудь старообрядческую максиму:

«К друзьям своим был крайне снисходителен и, встречая их, делал всегда такую позытуру, какую делают обыкновенно подобные ему. [...] После того увещевал не пить кофе, огребатися от табаку и от чтения Пращицы. В заключение же стучал он указательным перстом в груди и проклинал масонов, а потом отпущал от себя всех в здравии и в душевном спасении без пашпорта»³⁸.

В «Жизни некоторого мужа» всплывают также известные литературные аллюзии, связанные со старообрядческим контекстом. Например, длинный пассаж, в котором всеосто-

³⁶ «Жизнь некоторого мужа и перевоз куриозной души его через Стиксреку», далее «Жизнь». С. 384—385. Текст цитируется по изданию Л. Светлова, опубликован в конце его статьи «Русский антиклерикальный памфлет XVIII в.». С. 383—394.

³⁷ «Жизнь». С. 384—395.

³⁸ Там же. С. 385.

ронному рассмотрению подвергается борода, напоминает стихотворение Ломоносова «Гимн Бороде»:

«Рассуждал весьма разумно на Макарьевской ярмарке о святости усов и бороды и утверждал заподлинно, что голова дана нам от природы единственно для бороды, а осьмугольная борода всем бородам начальная борода; так же старание имел он собрать осьмивселенский собор, чтоб признать ее за некоторое буйнственное таинство, доказывая, что в ней наша душа обитает и каждый волос необходимо нужный член для жизни человеческой»³⁹.

Текст, однако, отличается особой детализацией описания жизни старообрядца, что, как мы видели, сближает его с циклом Ивана Даниловича, с одной стороны, и делает особым событием в литературе того времени, с другой. На этих особенностях текста фокусирует внимание Л. Светлов, подчеркивающий:

«Жизнь некоторого мужа» является оригинальным художественным произведением русской литературы, в котором ярко проступают черты реализма, сознательное стремление автора изображать жизненно типичные характеры. Pamфлет был создан в середине 60-х годов, то есть до появления таких реалистических шедевров, как Бригадир Фонвизина, как жизненно правдивые статьи сатирических журналов Н. И. Новикова и пр.⁴⁰

Помимо общности тематики и вкуса к реалистичным подробностям, текст связан с «Циклом Ивана Даниловича» упоминанием имени Олсуфьева и, таким образом, с общим историческим контекстом. На протяжении многих лет было три основных кандидата на его авторство: Фонвизин, Чулков и сам А. В. Олсуфьев⁴¹. К авторству Олсуфьева склонялся П. Вязем-

³⁹Там же. С. 384.

⁴⁰ Светлов Л. «Русский антиклерикальный памфлет XVIII в.». С. 379.

⁴¹ Марчалис тщательно реконструирует давний спор об авторстве памфлета, Marcialis N. Caronte e Caterina. Dialoghi dei morti nella letteratura russa del XVIII secolo. С. 127—132.

ский, которому Пушкин сообщил о памфлете, озаглавленном «Аввакум скитник», написанном Фонвизиним. Однако Вяземский пишет, что это «плод пера Адама Васильевича Олсуфьева, статс-секретаря при императрице Екатерине II»⁴². В 1983 г. С. А. Петровский обнаружил рукопись с оглавлением «Житие господина N., которое служит введением в историю его в царстве мертвых», где тайна авторства была раскрыта: на заметке было написано: «Здесь описан Ржевы Володимеровой купец Василий Чупятов, который после совершенно с ума сошел, покойным сенатским протоколистом Стефаном Прокофьевичем Колосовым в 1766 г.»⁴³

Предметом сатиры является, таким образом, Василий Анисимович Чупятов. С ним мы вновь переносимся в старообрядческие общины Ржева и Ветки. Семья Чупятовых была одной из самых известных ржевских семей купцов-староверов. Во главе семьи стоял Анисим Савельевич Чупятов. В 1749 году, несмотря на то, что раскольникам было запрещено занимать правительственные должности, его сын Василий был выбран в магистрат ржевским бургомистром. С юридической точки зрения, Чупятов не совершил никакого преступления, так как он не был записан раскольником, но он жил с отцом, а их семейные традиции были хорошо известны всем. В конце концов, Сенат проголосовал за снятие Чупятова с должности⁴⁴. Но его приключения не кончились в Ржеве. Будучи торговцем коноплей, при пожаре в Санкт-Петербурге он потерял не только все своё имущество, но и рассудок. Дело

⁴² Вяземский П. А. Фон-Визин. СПб. 1848. С. 283.

⁴³ «Анонимно напечатанный памфлет, направленный против купца—старовера В. А. Чупятова. Приписывался Д. И. Фонвизину, М. Д. Чулкову, А. В. Олсуфьеву. С. А. Петровский в 1893 г. обнаружил рукопись XVIII в., озаглавленную: «Житие господина N., которое служит введением в историю его в царстве мертвых». Находящая на ней надпись («Здесь описан Ржевы Володимеровой купец Василий Чупятов, который после совершенно с ума сошел, покойным сенатским протоколистом Стефаном Прокофьевичем Колосовым в 1766 г.») позволила считать автора этого памфлета С. П. Колосова», SKRK, см. N. Marcialis, *Caronte e Caterina. Dialoghi dei morti nella letteratura russa del XVIII secolo*. С. 128—129.

⁴⁴ См. Степанов В. П. К агиографии Чупятова... С. 114—118.

Чупятова произвело шум в столице и было увековечено в мемуарах современников⁴⁵.

Именно с историей Чупятова связан последний пункт нашего анализа — повесть «Анисимычъ. Новаго рода Дон-Кишот. Истинная быль с прибавочкою и с прикрасочкою, или Превращение раскольника в ромонического любовника, выдававшего на яву чертей. Росиское сочинение 1793-го года».

3. Повесть «Анисимычъ. Новаго рода Дон-Кишот».

Повесть сочетает в себе как элементы памфлета «Жизнь некоторого мужа и перевоз куриозной его души чрез реку Стикс», так и элементы цикла Ивана Даниловича. Связь с памфлетом раскрывает сам герой повести:

«Что я очень молчаливой человек, ето всякому известно. Знають про сие не только в городе Р., но в Москве и Петербурге. А чтоб чести вашей в точности сие доказать, то изволте садитя, милости прошу выслушать, я вам докажу. Жизнь мою // старались описать знатные писатели. Но я их неправду уличу. Первой из них К... живова меня перевозил во ад и выдал книжку под именем «Жизнь некотораго мужа и перевоз куриозной ево души чрез Стикс реку».⁴⁶

Повесть ходила в виде рукописи, пока не была опубликована в 1985 году В. П. Степановым⁴⁷. Её датируют 1793 г., что, конечно, определяет точку зрения исследователей повести как в плане необходимости учета существующей в то время политики по отношению к старообрядцам⁴⁸, так и в смысле литературной системы.

⁴⁵ О деле Чупятова и его превращении в литературного персонажа см. В. Степанов. К агиографии Чупятова... С. 108—125.

⁴⁶ Анисимычъ. Часть вторая. Глава первая, в которую Анисимычъ взял труд проболтать сам! С. 147.

⁴⁷ «Анисимычъ. Новаго рода Дон-Кишот. Истинная быль с прибавочкою и с прикрасочкою, или Превращение раскольника в ромонического любовника, выдававшего на яву чертей. Росиское сочинение 1793-го года» // Древнерусская книжность, С. 125—173. Далее «Анисимычъ», текст цитируется по этому изданию.

Важно подчеркнуть, что уже в самом названии автор указывает читателю на жанр произведения: его герой — «Нового рода Дон-Кишот». Таким образом, «Анисимыч» входит в целую серию рукописных и печатных публикаций того времени, в той или иной степени связанных с плутовским жанром. В подзаголовке автор уточняет свой замысел, сообщая, что выбор плутовского жанра подчинён конкретному сатирическому намерению: «Превращение раскольника в романического любовника». В заглавии же автор сразу раскрывает читателю следующий ключевой компонент текста — намерение придерживаться действительности: «Истинная быль с прибавочкою и с прикрасочкою». Автор обязуется описать подлинные события, оставляя за собой право вносить дополнения и украшения, как и подобает автору романов. Таким образом, уже в заглавии сатирический памфлет превращается в своего рода приключенческий роман, который должен соответствовать своей европейской жанровой модели.

Обратимся к структуре повести. В первой части говорится о приключениях Анисимыча в течение одного месяца восемнадцатого года его жизни; вторая часть более распространённо излагает тот же сюжет в форме микроисторий, скреплённых единой связкой, а именно — простодушием и наивностью героя, который становится предметом постоянных насмешек со стороны различных персонажей, встречающихся на его пути. Так Старовер Анисимыч, неотёсанный простака, становится типичным антигероем в пародийной антижизни.

Через всю первую часть повести проходит плутовской мотив путешествия. Анисимыч передвигается — в основном пешком — по местам, удалённым от больших городов. Это позволяет автору описывать староверцев в различных регионах империи: в западной России, вдоль границ Польши.

⁴⁸ О политике в отношении староверов в этом периоде см.: Боченкова И. Д. Государственная политика в отношении староверов в последней четверти XVIII — начале XIX века. М. 1999; Ясевич-Бородаевская В. И. Борьба за веру. Историко-бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектантству в его последовательном развитии с приложением статей закона и Высочайших указов. СПб. 1912.

Историческим контекстом опять являются события, связанные с Веткой и Ржевом. Плут-старовер Анисимыч в начале повести рассказывает о Ржеве: «родили меня, как сказовали мне, в городе, котораго имя произошло от ржи... нет от ржавчины. А! Да, так так: от ржания коня Володимера Володимерыча. Это так, Петр, дьячок нашего прихода, сказовал, и он был великой начетчик книг»⁴⁹.

С Веткой связаны второстепенные персонажи, на которых иногда с удовольствием задерживается рассказчик. Один из них — батюшка-схимник, «который преподавал ему начальное учение»⁵⁰. Его зовут Исаак Подпол[ь]ский, что похоже на говорящую фамилию с двойной «этимологией»: от слов *подпольный* и *польский*⁵¹. Он был великий постник, но был за ним «небольшой грешок», в связи с которым и появляется в тексте название города Ветки:

«он любил пристрастно золото и серебро как в сосудах, так и в денгах, равно жемчуг и доригия камня принимать от своих духовных детей, но отдавать ни под каким предлогом желания не имел; а собирая, сказовал, что они нужны для отцов, обитающих в Полше, на Ветке и в Гомли и на отъсылку туда милостины»⁵².

Интересно отметить, что главным героем многих глав повести выступает, как и в «Цикле Ивана Даниловича», некая «девка Татьяна». Вообще женские персонажи повести отличаются от главного героя своей решительностью в тех ситуациях, где Анисимыч всегда изображается робким и безвольным. Татьяна в повести, как и в «Цикле Ивана Даниловича» хитрая и бесовестная девица, к тому же, как полагается, старообрядка. Если в «Цикле Ивана Даниловича» Татьяна — молодая деревенская девушка, то в «Анисимыче» она уже пронырливая горожанка, принадлежащая к поморской секте. Эта перемена отражает новые исторические условия. «Анисимыч» был на-

⁴⁹ «Анисимыч». Часть первая. Глава первая которую рассказывает Анисимыч сам. С. 125—126.

⁵⁰ «Анисимыч». С. 126.

⁵¹ Там же.

⁵² «Анисимыч». Глава вторая. Еще Анисимыч не умолк. С. 127.

писан в 1793 году. За годы, истекшие с момента после написания «Цикла Ивана Даниловича», многое изменилось. В 1771 году старообрядцы начали мигрировать в города, что радикально отразилось на их образе жизни. Деревенская девушка, уезжающая в большой город, как Татьяна в «Цикле Ивана Даниловича», уже не является уникальным литературным образом. Более того, героиня «Анисимыча» — столичная жительница. В повести она подробно рассказывает о себе как о коренной москвичке:

«Я родилась в Москве. Отец мой отливал складни, наподобие поморских, и содержал наш дом по правилам старца Ионы, отлученный от филиповскаго и проклят даниловским толком»⁵³.

Татьяна подробно рассказывает о своём детстве и воспитании, куда входит и вопрос о браке:

«Я обучена была петь по крюкам и читала нарочито, и писала уставом очень чисто. Жить в вечном девстве показалось мне очень тяжко; а нарушить оное боялась наказания»⁵⁴.

Устав от сурового нрава родителей, она решает бежать. Рассказ Татьяны в «Анисимыче», как отмечает В. Степанов, «очерчивает старообрядческую топографию» Москвы: так, она проходит через Красный Холм, где жили федосеевцы, и идёт на Калужскую площадь, где проживали и занимались извозом старообрядцы⁵⁵. Затем Татьяна предаётся массе новых соблазнов: ест мясо («В сие же время принесли на двор подовые пироги, и мужики, покупая их, ели. Тут то в первой раз отъроду отъведала есть с мясом»⁵⁶ и пьёт водку («Итак, в первой раз тут выпила я рюмку сладкой водки и большой стакан

⁵³ «Анисимыч». Глава девятая. Девица Татьяна рассказывает свои приключения. С. 136.

⁵⁴ «Анисимыч». Там же.

⁵⁵ В. П. Степанов. «К агиографии Чупятова». С. 112.

⁵⁶ «Анисимыч». Глава первая надесьть. Девица Татьяна претворяется в молотца. С. 139.

меду, а сосед мой выпил вѣдвое, и, когда хотели ехать, то я попросила еще сладкой водочки»)⁵⁷.

В повести Татьяна обращается к вопросам, с которыми были связаны споры и противоречия, касающиеся тогдашних старообрядческих общин. Например, во время своих странствий она случайно знакомится с таинственным человеком, который даже после нескольких рюмок водки не выдаёт своего имени. Лишь несколько дней спустя оказывается, что это старообрядец, следующий в Гомель. Татьяна делится с ним своими сомнениями по поводу «старой веры» и беспоповщины. Она говорит, что «слыхала спор о вере многократно с поповщиною, то и хочется узнать истово, которая правая вера, наша ли, поморская или поповщины»⁵⁸. Старообрядец отвечает ей: «Поповщина правая, а ваша неправая».

Таким образом, приведенные примеры показывают, как изменения в государственной политике отражаются в литературном изображении старообрядцев. Один из наиболее ярких образов — Татьяна, совершившая трансформацию из фигуры старообрядческой «деревенской девушки» в «городскую, столичную, жительницу». Конечно, большинство вопросов, поднятых на основе этого материала, еще только предстоит изучить. На этом предварительном этапе нам кажется важным подчеркнуть, что «Анисимычъ» является исключительно интересным документом, который, с одной стороны охватывает значительную часть истории старообрядчества, а с другой, является воплощением кульминации новой тематической литературной линии. Она, как было показано, постепенно складывается в ходе взаимодействия различных литературных жанров, и таким образом стереотипный образ старовера преобразуется в персонаж с определенными чертами. Тексты этой новой тематической линии приобретают свой особый тип повествования, особенно внимательный к деталям повседневной жизни староверов.

⁵⁷ «Анисимычъ». С. 140.

⁵⁸ «Анисимычъ». С. 141.